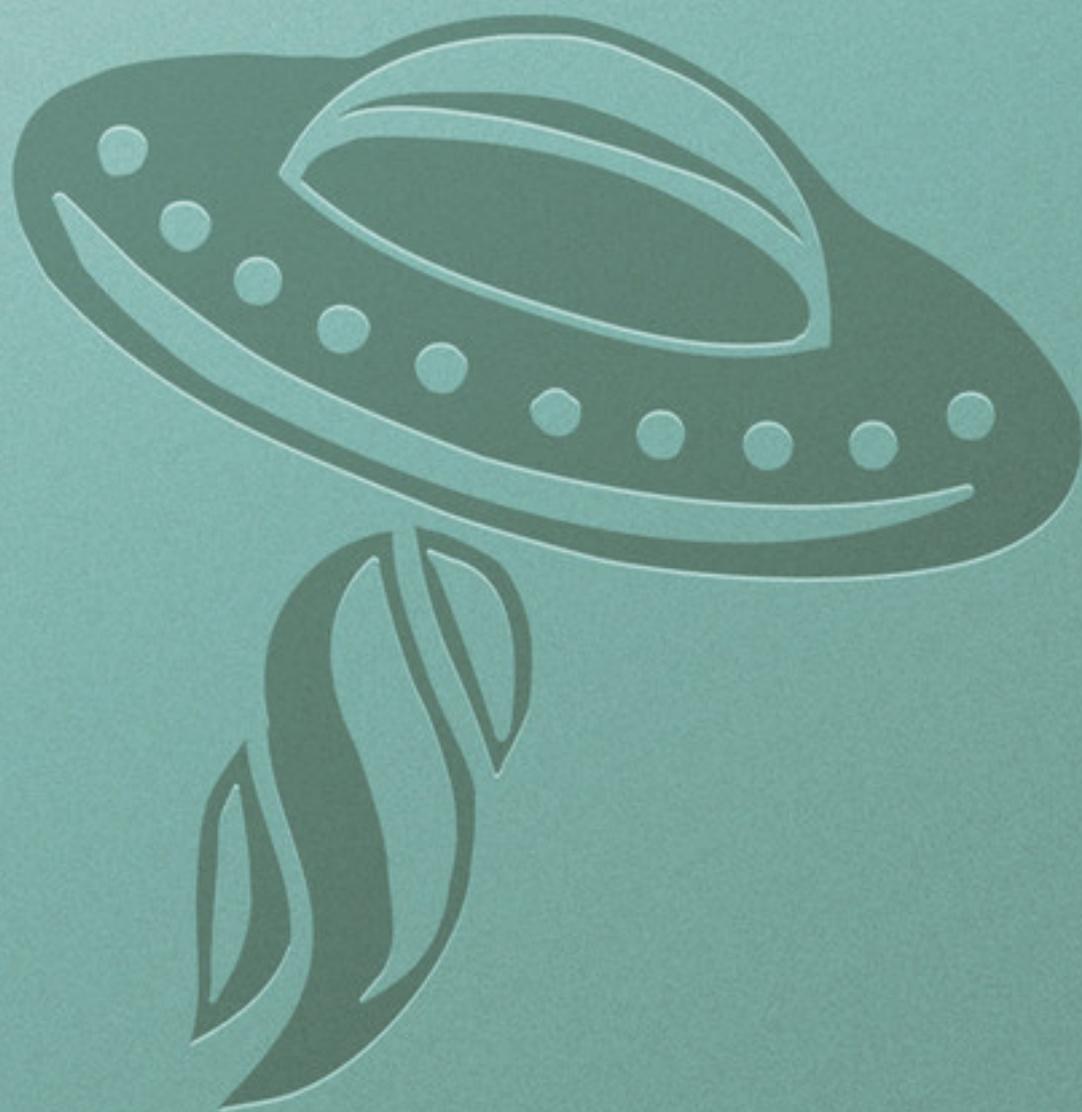

Майк Гелприн

«Миротворец» 45-го калибра

*Часть сборника
Миротворец 45-го калибра
(сборник)*

Майк Гелприн
«Миротворец» 45#го калибра

«Демина Людмила Дмитриевна»

2014

Гелприн М.

«Миротворец» 45#го калибра / М. Гелприн — «Демина Людмила Дмитриевна», 2014

«Случилось так, что пути Ревущего Быка и Дакоты Смита пересеклись. Ревущий Бык слыл великим воином племени миннеконжу, мудрым, могучим и отважным. Дакота слыл пропойцей-янки, непутевым нищим оборванцем из тех, что гоняли скот с южных ранчо до погрузочных станций Трансатлантической железной дороги. Ревущий Бык был сыном вождя и целительницы. Дакота Смит матери своей не помнил, а отца видел один раз в жизни. Случилось это через день после того, как тот вышел из тюрьмы, и за два дня до салунной ссоры, в которой его ухлопали...»

© Гелприн М., 2014

© Демина Людмила Дмитриевна, 2014

Майк Гелприн «Миротворец» 45#го калибра

Случилось так, что пути Ревущего Быка и Дакоты Смита пересеклись. Ревущий Бык слыл великим воином племени миннеконжу, мудрым, могучим и отважным. Дакота слыл пропойцей-янки, непутевым нищим оборванцем из тех, что гоняли скот с южных ранчо до погрузочных станций Трансатлантической железной дороги.

Ревущий Бык был сыном вождя и целительницы. Дакота Смит матери своей не помнил, а отца видел один раз в жизни. Случилось это через день после того, как тот вышел из тюрьмы, и за два дня до салунной ссоры, в которой его ухлопали.

Ревущий Бык владел островерхим типом, четверкой скаковых лошадей, ножом, боевым луком, копьем и томагавком. Дакота Смит не владел ничем, потому что двадцать семь из тридцати долларов, полагающихся за перегон скота, проиграл в покер, а три оставшихся пропил. Впрочем, Дакота еще владел мной, «миротворцем» сорок пятого калибра, но, поскольку «кольт» такая же неотъемлемая часть ковбоя, как рука, нога или пустая голова, меня можно было в расчет не брать.

Ревущий Бык был плечист, силен, длинные и прямые, цвета воронова крыла волосы доставали до лопаток. Дакота Смит был плюгав, кривоног, тонок в кости, белобрыс и голубоглаз.

Случилось так, что Ревущий Бык нарвался на выпущенную из армейского «ремингтона» пулю в стычке на излучине реки Смоуки-Хилл. Воины миннеконжу отступили, а Ревущий Бык грянулся с коня оземь и, извиваясь подобно змее, уполз в заросли чаппарахас умирать.

Там, в зарослях, Ревущий Бык непременно испустил бы дух, не случись так, что следующим утром на него наткнулся Дакота Смит.

– Отдыхаешь, приятель? – поинтересовался Дакота при виде умирающего и икнул, потому что был здорово пьян.

Гнедая кобыла, которую Дакота Смит взял в аренду у ранчери Генри Уайта и поэтому не стал ни проигрывать в покер, ни пропивать, пренебрежительно фыркнула и мотнула крупом. Дакоту это движение вышибло из седла, секунду спустя он приложился задом о землю и высказал кобыле крайне нелестное о ней мнение.

– Скажи, приятель? – обратился Дакота за подтверждением к Ревущему Быку.

Ревущий Бык не ответил, потому что, во-первых, умирал, а во-вторых, не разумел ни слова по-английски. Тогда Дакота Смит вновь икнул, на четвереньках добрался до индейца, осмотрел рану в груди, сокрушенно поцокал языком и стал очень серьезным.

– Не торопись, приятель, – попросил он. – Полчасика еще обожди.

Ревущий Бык потерял сознание, а Дакота поднялся и, спотыкаясь, двинулся к реке. Как был, в обносок, сиганул с берега лицом вниз и стал барахтаться в ледяной воде, проклиная течение и острые донные камни. Через полчаса Дакота Смит протрезвел. Тогда он выбрался на берег и потрусил к лошади. Из притороченной к седлу торбы извлек нож, чистую нательную рубаху и наполовину полную, облепленную соломой бутылку.

– Глотни, приятель, – наклонился Дакота к пришедшему в себя умирающему.

Тот вновь не ответил.

– Больно будет, – объяснил Дакота. – Глотни.

Ревущий Бык, хотя и не разумел по-английски, понял. Чудом удерживая сознание, он едва заметно помотал головой.

– Что ж, тогда терпи. – Дакота Смит перекрестился и плеснул из бутылки на рану.

Следующие полчаса ушли на извлечение пули. Выковыряв ее наконец, Дакота вновь промыл рану, с сожалением посмотрел на плещущиеся на дне бутылки остатки и принялся перевязывать.

– Теперь глотни, – велел он, справившись и утерев со лба пот.

Ревущий Бык, не издавший во время операции ни стоны, на этот раз утвердительно смежил веки. Дакота Смит приподнял ему голову и поднес горлышко бутылки к губам.

* * *

Следующие две недели трезвый до безобразия Дакота Смит выхаживал Ревущего Быка. Кормил его, поил и менял на нем одежду, пока тот не сумел встать на ноги и, опираясь на плечо Дакоты, сделать пару неверных шагов. Еще через три дня ковбой подсадил индейца в седло и привязал для надежности веревкой.

– Пошли, что ли, приятель, – предложил Дакота Смит и, ведя гнедую в поводу, двинулся на юг.

До фермы старого Джека Стивенса добрались на восьмые сутки.

– Только краснокожих нам тут и не хватало, – ворчала Розмари, старуха Джека, пока тот разливал по стаканам из облепленной соломой бутылки, родной сестры той, что пошла на медицинские нужды. – Что с ним прикажешь делать?

– Не знаю, приятельница, – пожал плечами Дакота Смит. – Мы тут у вас позимуем?

– Зимуйте, мне-то что, – поджала губы Розмари. – Ступай, индюшку зарежь! – прикрикнула она на старика. – Отощали оба, кормились небось всякой дрянью. А твой краснокожий, он нас часом тут не укокает?

– Не должен, – задумчиво ответил Дакота Смит. – Он смирный.

Ревущий Бык сидел, привалившись к стене и поджав к себе колени, у порога. Смирным его назвали впервые в жизни.

* * *

Зима прошла в неспешных хлопотах. Дакота Смит на пару со старым Джеком починили прохудившийся дымоход, подлатали птичник, перестелили амбарную крышу и сколотили пристройку к конюшне – старик рассчитывал по весне прикупить лошадей. Ревущий Бык, едва ударили холода, захворал и слег. Метался в беспомощности на медвежьей шкуре, Розмари, поджав губы, отпаивала его индюшачьим бульоном и бормотала «не жилец». Вопреки ее предсказанию, к концу зимы больной пошел на поправку.

Случилось так, что на изломе марта, едва начал подтаивать снег, Ревущий Бык растолкал поутру храпящего на соломе в пустом конюшенном стойле Дакоту.

– Пора в путь, – сообщил индеец и махнул рукой в сторону севера.

– Счастливо, приятель, – зевнул ковбой.

Тогда Ревущий Бык опустил на корточки и, с трудом выталкивая из себя заученные за последние дни английские слова, произнес речь.

– Уходить, – сказал он. – Дух оставлять.

– Какой еще дух? – не осознал нюанса Дакота.

– Уходить, дух оставаться, – терпеливо объяснил Ревущий Бык. – Дать, – он протянул руку ко мне.

Дакота Смит уселся, протер глаза, выпростал меня из кобуры и, озадаченно повертев в руках, протянул индейцу.

– Дух здесь, – сказал тот и приложил меня к сердцу. – Ревущий Бык нет, но дух очень здесь. Ты понимать?

– Да вроде понял, приятель, – неуверенно ответил Дакота. – Ты оставляешь мне свою душу, что ли?

– Что ли, – подтвердил индеец. – Ты потом понимать.

Он осторожно положил меня на солому и поднялся. Затем размашисто пошел прочь. Мы с Дакотой больше никогда его не видели и что с ним случилось не знаем.

* * *

– Может, останешься? – предложил Дакоте старый Джек Стивенс, когда снег окончательно стаял. – Сыновей у нас со старухой поубивали, проживем еще, сколько Спаситель назначил, и порем. А ферма тебе останется.

Дакота Смит задумчиво почесал в затылке.

– Рановато мне еще на землю садиться, приятель, – сказал он. – Погулять мне охота.

– Что ж, – вздохнул старый Джек. – Раз так, погуляй.

Дакота кивнул и в следующее мгновение замер.

«Подумай, – велел я ему. – Путь воина тяжел и опасен».

– Какого еще воина? – пробормотал Дакота. – И кто это вообще сказал?

«Миротворец».

Дакота Смит ошарашенно заморгал.

– Ты это брось, приятель, – не слишком уверенно попросил он. – Тоже мне, шуточки.

Я не стал продолжать. Мудрого человека не надо уговаривать, он сам решит, как ему поступить. Правда, особой уверенности в мудрости Дакоты Смита у меня не было.

* * *

На ранчо Генри Уайта, что на северо-западе территории Нью-Мексико, Дакота прибыл в начале мая.

– Явились, значит. А мы тебя уже тут оплакали, – заметил ранчero, обращаясь почему-то к кобыле.

– Бывает, приятель, – ответил за кобылу Дакота Смит.

Генри Уайт кивнул.

– Бывает, – согласился он. – За тобой должок, парень. Эй, Бен, Дороти, дайте бездельнику пожрать, и пускай отправляется на выпас.

Случилось так, что сутки спустя, на выпасе, когда лимонный диск нежаркого майского солнца поцеловал уже нижним ободом вершины дальних скал на плато Колорадо, Дакота Смит не сошелся во мнениях с Мексиканцем Диего. Был Диего коренаст, буйно кучеряв и стрелял гораздо быстрее, чем думал. Мнения разошлись по поводу цен на лонгхорнов в будущем году, и столь важный вопрос требовал серьезной аргументации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.